

Фёдор ВОСТРИКОВ

И В ДРЕВНИЙ ГОД, И В НОВЫЙ ГОД

НАЧАЛО

Не от асфальтовых дорог,
 Не от домов многоэтажных,
 Не от коттеджей архиважных,
 Где сторож каждого — бульдог.
 Не от политиков продажных,
 Которым золото — царь и бог,
 Живут, не ведая тревог...
 Я смело утверждать берусь,
 Не здесь берёт начало Русь.
 Она — из муромских лесов,
 Из костромских, где жил Сусанин,
 Из Холмогор, откуда сани
 Науке множили творцов,
 Кто вскоре в рост восстали сами,
 Как Пушкин, Лермонтов, Кольцов,
 Как тыщи славных мудрецов,
 Из-под Рязани и Твери,
 Из-под Самары и Перми.
 Они — державный мой народ,
 Любых эпох великороссы:
 Крепки, храбры, русоволосы,
 Как мой крестьянско-волжский род.
 И завершались войны, космос —
 Салют побед под небосвод!
 Из века в век, из года в год.
 От них — оттуда, чем горжусь,
 Берёт своё начало гордо Русь!

ПОСЛЫ

Убили в Турции посла,
 Посла моей родной России.

Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 6 февраля 1942 года в совхозе «Батрак» (ныне пос. Авангард) Алексеевского р-на, Куйбышевской (ныне Самарской) обл. Окончил Куйбышевское культурно-просветительное училище, Пермский университет марксизма-ленинизма, отделение журналистики. Первый поэтический сборник «Отцовское поле» вышел в Перми (1979 г.). Член Союза писателей России (1993). Автор более тридцати книг. Сотрудничает с композиторами, переводит с азербайджанского. Дважды лауреат Пермского края в сфере искусств и культуры, награждён почётной грамотой министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, золотой медалью Российского фонда мира, кавалер ордена Достоевского I степени, Почётный гражданин Алексеевского р-на Самарской обл. Ведёт литературное объединение «Тропа» (30 лет!) в Пермском городском Дворце детского (юношеского) творчества. Живёт в городе Перми.

И спецхрана не спасла
 От банды якобы всеильной.
 Так убивали и не раз
 Славянских прадедов и дедов.
 Но верю в то, что грянет час, —
 Из тьмы восстанет Грибоедов.
 А с ним — совсем недолго ждать,
 Ежель, историю листая,
 Восстанет Русь — не удержать! —
 Не зря ж в миру она святая?!

ЛЕНИНГРАД

Многострадальной Ленинграда
 Не сыщешь города в стране.
 Его пытала и блокада,
 Сжигала заживо в огне.
 Но город встал, презрев увечье,
 Над окровавленной Невой.
 Расправил сгорбленные плечи
 Не убиенный, а живой!
 Восстановил дома и тракты,
 Красавец мира Эрмитаж.
 Чтоб ни убийцы, ни теракты
 Не одолели город наш!

ЗИМА КРЕПКА

И в древний год, и в Новый год
 Зима крепка в моей России.
 Не от неё ль велик народ? —
 Его могучей нет по силе!
 Он в православии века,
 А значит — духом ближе к Богу.
 Врагу, чья память коротка,
 Укажет к пропасти дорогу.
 Такой взбугрит круговорот
 Под клич провьюженной мессии! —
 Во вражьих жилах кровь застынет...
 И в древний год, и в Новый год
 Зима крепка в моей России!

* * *

Ночь январская длинная-длинная.
 Просыпаешься множество раз.
 Веет бездной, как проза былинная,
 Будоража пугающе нас.

То швырнёт в безизвестье дремучее,
 То в сегодня пургой возвратит...
 В душу странника слово певучее
 Вифлеемской звездой слетит.

ХОРАЛ

Морозы держатся стабильно,
 На то он, батюшка Урал.
 Звенит в берёзах и в рябинах
 Зимы торжественный хорал.
 Притихли грады и деревни,
 Притихли доли и холмы,
 А он звучит, как русич древний,
 Среди бунтующей зимы.
 Не только нам — он миру слышен
 Во мгле глухой, в цвету чудес.
 И поднимается всё выше,
 Касаясь царствия небес!

НА БЕЛОЙ ГОРЕ

Свечу за здравие поставил,
 Другую — всем за упокой.
 Перекрестившись, храм оставил,
 И в путь дорогой снеговой.
 Спускаясь вниз с горы высокой,
 Как странник брёл я за людьми.
 Метели ноги жгли осокой,
 Секли свистящими плетьюми.
 Не страх, не злость, а облегченье,
 Как в день пасхальный по весне,
 Почти господнее свеченье
 Переполняло душу мне!

ЗАВЕТЫ РАДКЕВИЧА ЖИВЫ

Говорил мне Радкевич однажды,
 А Радкевич — от Бога поэт:
 «— В стихотворце, запомни, не в каждом
 Есть надежда и радужный свет. —
 И добавил, пыхтя сигаретой,
 — А ещё состраданье и честь.
 Всем, кто пишет и тянется к свету,
 Это с юности надо б учесть.»
 Речь его, как заветы звучала —
 Слушал я с умилением творца.
 Я по жизни стоял у начала,
 Он державно, увы, у конца.

Путь трещал мой от дикого зноя,
 Падал вниз, как в овраг дерева.
 Вот уже зацвела сединою
 Удалая моя голова.
 Пропасть книг прочитал и продумал,
 И своими похвастать могу.
 Да, не скрою, они и угрюмы,
 И от горя сгибают в дугу.
 Но работалось мне вдохновенно —
 Я ж ершист, разношёрст, разнотрав.
 Ах, учитель ты мой незабвенный,
 Как ты был по-пророчески прав!
 Те пииты, кто, вымучив строки,
 Проклиная родимый уют,
 Протрещали и мрут, как сороки,
 А кто плакал над строчкой — живут!
 Продолжают сердца будоражить,
 В поднебесье паря над землёй.
 Слово падает в рощу и в пажить,
 И в народ песнеязыкинский мой!
 Век по-птичьи летит несдержимо:
 Год, как месяц, а сутки — как миг,
 Но заветы Радкевича живы
 В юных душах поэтов моих!

ПАМЯТИ А. Л. РЕШЕТОВА

I
 Не стало благого поэта,
 Отплыл от родных берегов.
 В миру поубавилось света,
 Как песен и добрых стихов.
 Примолкли в ползучем тумане
 Поблѣкшие травы, кусты.
 Избушка на старом чуртане
 Легла, затаясь, под кресты.
 Полгода пройдёт незаметно
 И год, не видя, промелькнѣт.
 Ни в снежень, ни в жнивень приветный
 Поэта земля не вернѣт.
 Но строчка возникнет из мрака,
 За нею — стихов хоровод.
 Хозяйка негаснувших маков
 Читателей вновь позовѣт.

II
 ... И чем талантливей поэт,
 Тем обострѣнней чувство воли,
 А сердце — в этом кривды нет!» —
 Не защищённое от боли.
 Но как его убережѣшь,

Когда в своей короткой жизни
Несчётно раз переживёшь
Чужие празднества и тризны?!

III

Много лет, как Решетова нет,
Истинного русского поэта.
Стал бедней и горше белый свет,
Стало меньше солнечного света.
Но и всё ж, как словом ни крути,
Всякое бывает в долгой жизни,
Да никто не смог в конце пути
Избежать угрюмо-слёзной тризны.
Отболел поэт, обрёл покой.
Где же он, в какой певучей бездне?
Может быть, склонившись над строкой,
Освещает лирикой созвездья?
Он теперь в бессмертии времён,
А от нас — невысказанно далёко.
Верю я, что наконец-то он
Встретился и с Пушкиным, и с Блоком!

БЛОК

«Степь, да ветер, да ветер...»

А. Блок

«Без этого ощущения ветра

Для Блока не существует России»

К. Чуковский

Ворвался в душу Блока ветер.
Скорей всего, что поутру.
Он жил, любил, творил на свете
На нескончаемом ветру,
Который пел ему Россию
Не на пиру, а в нишете.
Не в богатырско-русской силе,
А на страдальческой версте.
Взрываясь, плача и тоскуя,
Среди разхлябленных дорог
В себя влюбил её такую,
Какой любить другой не мог.
А ветер выл в грозе и дыме
И революцией хлестал.
Но Русь и Блок неразделимы,
А с ними — грозный буревал.
В поэте ветра ощущение,
А с ветром вера и юдоль.
Душой он верил в очищение
Сквозь мшенье, ненависть и боль!

КНИГА ПРИРОДЫ

Я с природой. Только ей подвластен.
У неё учусь я и лечусь.
И к природе в солнце и в ненастье
Из жилища каменного мчусь.
Ведь она и вечность, и реальность,
Книга неземного бытия.
Та, в которой растворилась дальность, —
Растворюсь со временем и я.
Но пока, любуясь птичьей стаей,
Мне лепечет доброе родник.
Прикоснувшись к вечности, листаю
Самую главнейшую из книг!

СРЕТЕНЬЕ

Пришел на сретенье с природой —
Она чиста и первозданна.
Справляют птицы хороводы
Под лепет ветел долгожданных.
Я незаметно погружаюсь
В её глубины тайн и в броды.
И не понять перед уходом:
Толь я в природе продолжаюсь,
Толи во мне сама природа?!

СЛОВО

Чем певучей слово, тем сложнее
Выудить в бездонье словарей,
Чтоб сияло знойно и толково,
Побеждая ханжество и зло,
Чтоб в строку соловушкой легло
Это разъединственное слово!

* * *

В современной поэзии хаос.
Не стихи, а наборы словес.
В них порочут и славят, и хают
От земли до господних небес.
Процветают дремучие маты,
Мир добра и любви круша.
И в пространстве, как тучи, лохматом
Незаметно мертвеет душа!

* * *

Встаёт над полем росная заря,
 Неся любовь, страдания и боли.
 Но всё ж мы жили и живём не зря,
 Потомкам дарим Русь, как степь и волю.
 А значит, друг, и в семьдесят держись,
 И песни пой, которых не допели.
 Одна даётся нам на свете жизнь,
 Как мать, что нас качала в колыбели!

* * *

Обнажилась земля, подсыхает.
 Зачинается пар от земли.
 Теплоту и прохладу вдыхая,
 Камышинки ручей шевелит.
 Набухает река-роженица,
 Копит силу взорвать тишину,
 Чтоб от крика, как мать, разродиться.
 А тогда уж и божия птица
 Звонким гимном объявит весну!

* * *

От стволов не сыро, а тепло,
 Стало быть, деревья отогрелись,
 Если небо солнцем зашвело
 И запахла пахота апрелем!
 Птицы прочищают голоса —
 Всё звончей и радужнее песни.
 Мир обожествляет и весна,
 И господь — творитель поднебесный!

ДЫХАНЬЕ ВЕСНЫ

I
 Свернёшь с тропинки — рухнешь в снег,
 Весна сугробы размягчила.
 На солнцепёках заручьила,
 С холмов сметая белый мех.
 Тепло несёт грачу, ветле,
 Водой живую полнит реки.
 Весна с людьми срослась навеки
 Началом хлеба на земле!

II
 Снега от солнца в самом деле
 Подмокли, сжались, помрачнели.

Как жарким солнечным лучам,
 Отдались лужам и ручьям.
 Вспотела верба, только почки
 Ещё не вызрели, как строчки.
 Когда стяхнут зимы недоли,
 Тогда запахнут синей волей!..
 Ну а пока, увы, штрихи.
 Всклоочет май — придут стихи!

ОДА СОЛНЦУ

I
 Рассеялись туманы,
 Упала в бездну мгла.
 Негаданно-нежданно
 Тропинка пролегла.
 Иду по ней в заречье.
 Судьбу благодарю,
 Что снова скоро встречу
 Господнюю зарю.
 А где заря — там солнце,
 Как булка из печи.
 Душисто рассмеётся,
 Бросая мне лучи.
 Теплом животворящим
 Окатит наяву.
 Мгновеньем предстоящим
 Дышу я и живу!

II
 Померкли последние звёзды —
 Рассвет обозначил петух.
 Малина раскинула гроздь —
 Струится малиновый дух.
 Цветами дымит палисадник,
 Слегка затуманившись мглой.
 Июнь сенозарник и страдник
 Размашисто дышит росой.
 Светлеет восток полусонный,
 Глядит на него огород.
 И тополь глядит, и подсолнух...
 Мгновенье осталось, как солнце
 Начнёт свой вселенский обход!

III
 Позолотив слегка верхушки леса,
 Завязло солнце в стае облаков.
 Ему, как будто, нету интереса
 До речек, до пригорков, до лугов.
 Конечно, есть. Работы очень много,
 Особо после ливневых дождей:

Согреть усадьбу, высушить дорогу
 И в урожай уверовать людей.
 Сомнений нет, что справится светило.
 И не такое было на Руси:
 Громами небо рвало и громило,
 И град хлеба безжалостно косил.
 А войны смертоносные, а голод
 К могилам человечество вели?
 Но солнце растопило тьму и холод,
 Согрело душу Матери-Земли!
 Победы возникали за победой —
 Объяты нам распахивала высь.
 Не потому ли путь победный ведом, —
 Что первыми мы к солнцу вознеслись?!
 Из книги памяти, сердца встревожив,
 Отечества историю видать...
 А солнце и теперь во всём поможет:
 Величие державное не сдать,
 А главное — страду перестрадать!

IV

Поднимайся, солнце, выше,
 Не тебя ли ждут, краса?
 Вот уже теплеют крыши,
 Выпивается роса.
 Зайчик солнечный по лугу
 Самый первый пробежал.
 А за ним друзья по кругу,
 Обгоняючи стрижа.
 Рассмеялся омут звонкий,
 Расплескав лучи волной,
 Где рыбак на плоскодонке
 Удит рыбу под ветлой.
 И цветасто из-под вишны
 Трель ха трелью птаха льёт.
 Рядом цапля не водицу,
 А лучей осколки пьёт.
 Поднимайся, солнце, выше,
 Радуи отчие края.
 Вот уже природа дышит
 Вечной книгой бытия!

V

Здравствуй, солнце! Вовремя явилось.
 Жарь лучи на взмокшие поля.
 Ты для нас спасение и милость,
 Ведь не зря ж тебя, миров светило,
 Заждалась родимая Земля!
 А теперь мы будем с урожаем,
 Веруя не в шутку, а всерьёз.

С урожаем — значит, продолжаем
 Жить на свете, всех опережая,
 Позабыв поток дождей и гроз.
 Хлеб сберём. И снова землю вспашем,
 Чтоб спокойней зимушку встречать,
 Чтоб Россию — достоянье наше,
 Вечной песней, что раздолья краше,
 Материнским словом величать!

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ

От звонков телефонных сбегу,
 Что и делаю в праздник особенно.
 Счастлив я, что услышать могу,
 Как поют в светоносном логу
 Неземные Шаляпин и Собинов.
 А за ними — плеяда других,
 Возглавляют Шмелёв и Нежданова...
 За короткий, но сладостный миг,
 За союз неживых и живых
 Благодарен, природа желанная!
 Не об этом ли шепчут леса
 До вершушек заполнены песнями?
 Люди живы, а их голоса,
 Что до боли волнуют сердца,
 Обессмертили птицы небесные!

РОМАНС

В години войн, в разруху, в голод
 Во мгле, на солнце и в ночи
 Звучал романса дивный голос
 И до сих пор в миру звучит.
 Для жизни, взлёта и размаха,
 Для пересиливших беду...
 Творитель музыки Пётр Булахов
 Зажёг священную звезду!

ПЕТУХИ

I
 Первый петух прокричит на рассвете,
 Он-то и есть настоящий петух,
 Самый правдивый, что будит и ветер,
 И пастухов, и запечных старух.
 А петухи остальные — засони,
 Могут они до полдня пустозвонить.
 Если ты им пустозвонство простишь,
 То непременно полжизни проспишь!

II

Хоть петух живёт не без греха,
 Но простим засоню-петуха.
 Есть причина, что рассвет проспал, —
 Слишком много кур перетоптал!

* * *

Обнимались, миловались
 С девушкой лю(?)бой.
 Так за ночь нацеловались! —
 Пораспухли губы.
 Соловьи к заре примолкли,
 Петухи запели.
 Мы бредём, от рос промокли,
 Тонем в повители.
 Не ругайте нас, мамани,
 Мнений не измените,
 Мы тогда не то сроманим,
 Если нас не жените!

РУСЬ

В огне селенья и соборы,
 И Китеж-град, и стольный град.
 Горят славянские просторы,
 Окутал землю суший ад.
 Щербатый месяц в жуткой стыни,
 Как лист над пропастью, дрожит.
 В лесные дебри и пустыни
 От стрел татарских люд бежит.
 Красна вода в реках великих
 И солоней морей от слёз.
 Славянок плачущие лики
 Бледней израненных берёз.
 Донской и Сергей спят в могилах.
 Разбой и смута на Руси.
 Земля героев не забыла —
 Вдовой над ними голосит.
 А время тонет в битвах жарких,
 И грозный царь почил давно.
 Уснули Минин и Пожарский,
 И позади Бородино.
 Века летят, но слышно снова,
 Как ташат русичей в полон.
 Слетают ангелы Рублёва
 С его раздумчивых икон.

ИСТОРИЯ

История — древняя книга —
 Вешает нам горькую грусть:
 Татаро-монгольское иго
 Терзает набегами Русь.
 В крови, как в багряном тумане,
 Кипела огнём круговерть.
 Не плен выбирали славяне,
 А битву — победа иль смерть.
 Сплотились. Орду победили.
 Рассеялся дым на ветрах.
 Лежат в куликовской могиле
 И русич хоробрый, и враг.
 Но только, где русичи пали,
 Воинственные мужики,
 На поле из травушки встали,
 Как память о них, васильки.
 А там, где поганое иго,
 Метушее некогда зло,
 На чёрных, как туча, кулигах
 Татарниками проросло.

НАД ЧЕРДЫНЬЮ ЧЁРНЫЕ ТУЧИ

Над Чердынью чёрные тучи
 Грачиною стаей снуют.
 И молнии росчерком жгучим
 Таёжный пластают уют.
 Наохлились древние храмы,
 Видавшие горе века
 И помнящие Мандельштама,
 Поэта-страдальца, зека.
 Не выход его из барака,
 А в муках — паденье и взлёт,
 Кричащею раной из мрака
 Барачная Русь восстаёт.
 Клопочет и стонет громами,
 Рыдает угрюмой тайгой.
 И дыбится в небо холмами,
 И падает в бездну рекой.
 Не счесть убиенного люда
 От Ныроба до Колымы.
 И слёзные реки повсюду,
 Повсюду леса и холмы.
 И совесть за прошлое мучит,
 И боль будоражит уют...
 Над Чердынью чёрные тучи
 Грачиною стаей снуют.

УРАЛ

Край уральский навеки любимый,
Мой особенный русский уют,
Где стучатся в окошко рябины,
И уралочки спать не дают.
Ты, Урал, всех добрее и проще.
Запоёшь — и тебя не унять.
Соловьями в берёзовых рощах
Задушевные песни звенят.
В самоцветах купаются горы.
И куда не помотришь — леса.
Плещет лебедем Камское море,
Отражая в себе небеса.
Крепость духа, влюблённость и силу
Ты поистине в сердце вобрал,
Милый край, — ожерелье России —
Вечно юный и древний Урал.